

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-57-61

АВАКЯН Семен Самвелович,
магистрант 2 курса
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: avak.sem@yandex.ru

Научный руководитель:
УВАРОВ Александр Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры
теории права и государственных дисциплин, профессор
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ. Проблема соотношения международного и внутригосударственного права приобретает особую остроту в сфере защиты прав человека, где универсальные стандарты сталкиваются с национальными особенностями правопорядка. Для Российской Федерации этот вопрос традиционно решался на основе положений части 4 статьи 15 Конституции РФ, согласно которым общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Однако события последних лет — конституционная реформа 2020 года и последующий выход России из Совета Европы в 2022 году — существенно изменили конфигурацию взаимодействия международного и национального права. Цель настоящей статьи — проанализировать современную российскую модель соотношения международного и национального права в области защиты прав человека, выявить ее теоретические основания и практические следствия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, права человека, национальное право, конституция, дуализм, Европейский суд по правам человека, защита прав, ООН, Совет Европы, Россия.

AVAKYAN Semyon Samvelovich,
2nd-year master's student
of the Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Academic Supervisor:
UVAROV Alexander Anatolyevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of
Theory of Law and State Disciplines, Professor
of the Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

ANNOTATION. The issue of the relationship between international and domestic law becomes particularly acute in the field of human rights protection, where universal standards clash with the national specifics of the legal order. For the Russian Federation, this issue has traditionally been resolved on the basis of the provisions of Part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation, according to which the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system. However, the events of recent years — the constitutional reform of 2020 and Russia's subsequent withdrawal from the Council of Europe in 2022 — have significantly changed the configuration of the interaction between international and national law. The purpose of this article is to analyze the modern Russian model of the relationship between international and national law in

the field of human rights protection, to identify its theoretical foundations and practical implications.

KEY WORDS: international law, human rights, national law, constitution, dualism, European Court of Human Rights, protection of rights, UN, Council of Europe, Russia.

В теоретическом плане классические подходы — монизм и дуализм — в чистом виде сегодня редко реализуются на практике [2]. Монистическая теория исходит из единства правовой системы, где международное право обладает приматом над национальным. Дуализм рассматривает две системы как самостоятельные и не подчиненные друг другу, а их взаимодействие опосредуется волей государства. Современная практика демонстрирует конвергенцию этих подходов.

В отечественной доктрине преобладает умеренный дуализм: международное право и национальное право — самостоятельные системы, однако государство вправе инкорпорировать международные нормы в свою правовую систему, определяя условия и пределы их действия [3]. Именно такой подход закреплен в Конституции РФ: международные договоры становятся частью правовой системы, но не отменяют ее иерархию во главе с Конституцией.

Особое значение для защиты прав человека имеет теория гармонизации, которая предполагает сближение законодательств стран, однако суды применяют международные нормы лишь в той мере, в какой это допускается национальным правом, а международные судебные органы не должны вторгаться в сферу исключительной компетенции государств [4]. Эта теория получила развитие в доктрине «конституционной идентичности», активно используемой Конституционным Судом РФ.

Конституционная основа соотношения международного и национального права в России была заложена частью 4 статьи 15 Конституции РФ, закрепившей приоритет международных договоров над законами, но не над самой Конституцией. Долгое время сохранялась неопределенность относительно статуса решений межгосударственных органов, особенно Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П впервые сформулировал правовую позицию, согласно которой участие России в международных договорах не означает отказа от государственного суверенитета [5]. Суд указал, что если постановление ЕСПЧ основано на толковании Конвенции, противоречащем Конституции РФ, Россия вправе в порядке исключения отступить от выполнения такого постановления.

Эта позиция была конституционализирована поправками 2020 года: новая редакция статьи 79 Конституции РФ установила, что решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров РФ в истолковании, противоречащем Конституции, не

подлежат исполнению. Кроме того, статья 125 (пункт «б» части 5.1) наделила Конституционный Суд полномочием разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов. Показательным стало дело «Анчугов и Гладков против России» (2013 г.), где ЕСПЧ признал нарушением статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции запрет на участие в выборах для лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П пришел к выводу, что исполнение данного постановления в части, требующей изменения безусловного избирательного запрета, невозможно, поскольку это противоречит статье 32 (часть 3) Конституции РФ [6]. Тем самым была продемонстрирована готовность защищать национальную конституционную идентичность даже ценой неисполнения международного судебного акта.

Таким образом, российская модель после 2020 года представляет собой конституционно-ориентированный дуализм: международные нормы действуют в правовой системе, но их применение ограничено верховенством Конституции и конституционными ценностями.

До 2022 года Российская Федерация являлась участницей Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и признавала юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции. Согласно статье 46 Конвенции, окончательные постановления Суда были обязательны для всех органов государственной власти. Однако взаимодействие с ЕСПЧ всегда сопровождалось напряженностью: Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость учета национальных конституционных особенностей при исполнении решений ЕСПЧ, а пик напряженности пришелся на дела, связанные с политическими правами, избирательной системой и статусом заключенных. 16 марта 2022 года Комитет министров Совета Европы принял решение об исключении России из организации, а с 16 сентября 2022 года Россия перестала быть участницей Конвенции. Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ установил, что постановления ЕСПЧ, вынесенные после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в России [7].

При этом решения, вступившие в силу до этой даты сохраняют свою силу, однако на практике не исполняются. Этот разрыв означает возврат к ситуации, когда международные стандарты прав человека для России имеют преимущественно рекомендательный характер, а внутренняя защита прав человека полностью переходит под

юрисдикцию национальных судов, что актуализирует необходимость совершенствования внутригосударственных механизмов.

В условиях многополярности усиливается фрагментация международного права: появляются региональные системы защиты прав человека (Европейская, Межамериканская, Африканская), которые формируют собственные стандарты, иногда расходящиеся с универсальными. Доктрина “*jus cogens*” (императивных норм общего международного права) предполагает их универсальность и недопустимость отступления, однако на практике возникают попытки обосновать существование региональных императивных норм, отражающих особые культурно-правовые традиции[8].

Следует признать, что формирование таких норм теоретически возможно, но сопряжено с риском подрыва единства международного права. В сфере прав человека подобные попытки особенно опасны, так как могут привести к снижению уровня защиты, поэтому более корректным представляется говорить не о «региональном *jus cogens*», а о региональных стандартах, которые не должны противоречить универсальным минимальным гарантиям.

Особого внимания заслуживает проблема односторонних ограничительных мер (санкций), вводимых отдельными государствами. С точки зрения международного права односторонние санкции, не санкционированные Советом Безопасности ООН, нарушают принцип невмешательства во внутренние дела и могут квалифицироваться как контрмеры только при наличии предшествующего правонарушения и соблюдении соразмерности. На практике такие меры часто носят чрезмерный характер и ведут к ухудшению положения населения, включая доступ к лекарствам, продовольствию, финансовым услугам[9].

Специальный докладчик ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на права человека неоднократно указывал, что санкции должны иметь точечный характер и не должны приводить к нарушению прав человека. Введение широких секторальных санкций ставит под угрозу реализацию социально-экономических прав, что особенно актуально для уязвимых групп населения.

Для России эта проблема приобретает особое значение в контексте замещения международных обязательств национальными гарантиями: государство вынуждено компенсировать негативные последствия санкций мерами внутренней политики, что требует пересмотра бюджетных приоритетов и развития импортозамещения.

Проведенный анализ показывает, что российская модель соотношения международного

и национального права в сфере защиты прав человека после 2020 года окончательно оформилась как конституционно-ориентированный дуализм. Её ключевыми чертами являются: сохранение международных договоров в качестве части правовой системы при отсутствии их приоритета над Конституцией; право Конституционного Суда РФ блокировать исполнение решений межгосударственных органов, противоречащих конституционным ценностям; перевод стандартов ЕСПЧ в разряд рекомендательных ориентиров после выхода из Совета Европы; усиление фрагментации международного права и санкционного давления, требующих от России развития автономных механизмов защиты прав человека.

В этих условиях особую значимость приобретает задача сохранения баланса между национальным суверенитетом и соблюдением общепризнанных стандартов. Перспективным направлением видится развитие концепции «субсидиарной имплементации», при которой международные нормы служат минимальным ориентиром, а основная ответственность за их реализацию лежит на национальных институтах.

Для совершенствования механизма защиты прав человека в России целесообразно предпринять несколько шагов.

Во-первых, необходимо расширить полномочия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, предоставив ему право законодательной инициативы и возможность обращаться в Конституционный Суд с запросами о проверке конституционности нормативных актов, затрагивающих права граждан.

Во-вторых, следует усилить судебный контроль за соблюдением социально-экономических прав, в частности путем развития административного судопроизводства и упрощения доступа граждан к правосудию.

В-третьих, важно систематизировать и уточнить законодательство об имплементации международных норм, чтобы устранить неопределенность в вопросе о том, какие стандарты продолжают действовать после разрыва с Советом Европы.

В-четвертых, можно рассмотреть возможность активизации сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств или Евразийского экономического союза для выработки собственных региональных механизмов защиты прав человека, учитывающих общие правовые традиции. Наконец, необходимо усилить правовое просвещение граждан, чтобы они знали о своих правах и способах их защиты внутри страны. Реализация этих мер позволит компенсировать ослабление внешних гарантий и обеспечить эффективную защиту прав человека в новых геополитических условиях.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2026).
- [2] Азнагулова Г. М. Взаимодействие международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // *Lex russica*. 2015. № 8. С. 84–95.
- [3] Анварова Д. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав и свобод человека / Д. А. Анварова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 49 (444). — С. 327–329.
- [4] Мозер С. В. Понятие гармонизации законодательств субъектов международного права // *Вестник Российской таможенной академии*. 2009. №3. С. 60–64.
- [5] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // ЮИС «Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n/> (дата обращения: 10.09.2026).
- [6] Романовский Г. Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения конституционного Суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран // *Lex Russica*. 2017. №2 (123). С. 135–146.
- [7] Федеральный закон от 11.06.2022 N 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // ЮИС «Легалакт» URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11062022-n-183-fz-o-vnesenii-izmenenii/> (дата обращения: 10.09.2026).
- [8] Конышева Ю. Е. Взаимодействие международного права и национального права в сфере защиты прав человека в условиях глобализации // *Ученые записки ОГУ*. 2009. №1. С. 217–220.
- [9] Андреев В. В. Соотношение международного и внутригосударственного права в осуществлении защиты прав человека // *Вестник РЮК*. 2013. №4 (14). С. 52–55.

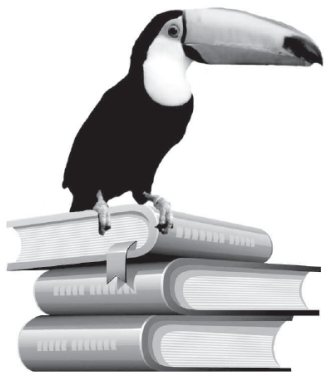
References:

- [1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, December 30, 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, and July 1, 2020 No. 11-FKZ) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: September 10, 2026).
- [2] Aznagulova G. M. Interaction between international and domestic law and the Constitution of the Russian Federation // *Lex russica*. 2015. No. 8. P. 84–95.
- [3] Anvarova D. A. Interaction between international and domestic law in the sphere of the protection of human rights and freedoms / D. A. Anvarova. — Text : direct // *Molodoy Ucheny [Young Scientist]*. — 2022. — No. 49 (444). — P. 327–329.
- [4] Mozer S. V. The concept of harmonization of the legislation of subjects of international law // *Bulletin of the Russian Customs Academy*. 2009. No. 3. P. 60–64. [5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P dated July 14, 2015, «On the case concerning the review of the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law ‘On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols Thereto,’ Clauses 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law ‘On International Treaties of the Russian Federation,’ Parts 1 and 4 of Article 11 and Clause 4 of Part 4 of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 13 and Clause 4 of Part 3 of Article 311 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 15 and Clause 4 of Part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, and Clause 2 of Part 4 of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in connection with a request from a group of State Duma deputies» // Legal Information System «Legalact». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n/> (accessed: September 10, 2026).
- [6] Romanovsky G. B. «The Anchugov and Gladkov Case» and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional review bodies of foreign countries // *Lex Russica*. 2017. No. 2 (123). Pp. 135–146. [7] Federal Law No. 183-FZ of June 11, 2022, «On Amending Certain Legislative Acts of

the Russian Federation and Repealing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Legal Information System «Legalact» URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11062022-n-183-fz-o-vnesenii-izmenenii/> (accessed: September 10, 2026).

[8] Konysheva Yu. E. Interaction between international law and national law in the sphere of human rights protection amidst globalization // Scientific Notes of OSU. 2009. No. 1. P. 217–220.

[9] Andreev V. V. The relationship between international and domestic law in the implementation of human rights protection // Bulletin of RUK. 2013. No. 4 (14). P. 52–55.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru